

Хилари Мантел

Хилари Мантел

ВУЛФХОЛЛ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М23

Серия «КИНО!!»

Mantel Hilary

WOLF HALL

Перевод с английского
Е. Доброхотовой-Майковой, М. Клеветенко

Художник *В. Ненов*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
AM Health & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

Мантел, Хилари.

М23 Вулфхолл : [роман : перевод с английского] / Хилари Мантел. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 608 с. — (КИНО!!)

ISBN 978-5-17-091108-0

Англия, двадцатые годы XVI века. Страна на грани бедствия: если Генрих VIII умрет, не оставив наследника, неизбежна гражданская война. На сцену выступает Томас Кромвель, сын кузнеца-дебошира, политический гений, чьи орудия — подкуп, угрозы и лесть. Его цель — преобразовать Англию сообразно своей воле и желаниям короля, которому он преданно служит.

В своем неподражаемом стиле Хилари Мантел показывает общество на переломе истории, общество, в котором каждый с отвагой и страстью идет навстречу своей судьбе.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Mantel Hilary, 2009

 Школа перевода В. Баканова, 2010

ISBN 978-5-17-091108-0

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Действующие лица:

В Патни, 1500-й

Уолтер Кромвель, пивовар и кузнец

Томас, его сын.

Бет, его дочь.

Кэт, его дочь.

Морган Уильямс, муж Кэт.

В Остин-Фрайарз, с 1527-го

Томас Кромвель, стряпчий.

Лиз Уайкис, его жена.

Грегори, их сын.

Энн, их дочь.

Грейс, их дочь.

Генри Уайкис, отец Лиз, суконщик.

Мерси, его жена.

Джоанна Уильямсон, сестра Лиз.

Джон Уильямсон, ее муж.

Джоанна (Джо), их дочь.

Алиса Уэллифед, племянница Кромвеля, дочь Бет Кромвель.

Ричард Уильямс, позже — Кромвель, сын Кэт и Моргана.

Рейф Сэдлер, старший письмоводитель Кромвеля, воспитанный
в Остин-Фрайарз.

Томас Авери, домашний счетовод.

Хелен Барр, бедная женщина, взятая в дом.

Терстон, повар.

Кристоф, слуга.

Дик Персер, псарь.

В Вестминстере

Томас Вулси, архиепископ Йоркский, кардинал, папский легат, лорд-канцлер; покровитель Томаса Кромвеля.

Джордж Кавендиш, помощник, затем биограф Вулси.

Стивен Гардинер, глава Тринити-холла, секретарь кардинала, позже государственный секретарь Генриха VIII; заклятый враг Кромвеля.

Томас Риотеслей (Ризли), хранитель личной королевской печати, дипломат, протезе и Кромвеля, и Гардинера.

Ричард Рич, юрист, позже генеральный адвокат.

Томас Одли, юрист, спикер палаты общин, лорд-канцлер после отставки Томаса Мора.

В Челси

Томас Мор, юрист и ученый, лорд-канцлер после падения Вулси.

Алиса, его жена.

Сэр Джон Мор, его престарелый отец.

Маргарет Ропер, его старшая дочь, жена Уилла Ропера.

Энн Крезакр, его невестка.

Генри Паттинсон, слуга.

В Сити

Хемфри Монмаут, торговец, арестованный за то, что дал приют

Уильяму Тиндейлу, переводчику Библии на английский язык.

Джон Петит, купец, арестованный по подозрению в ереси.

Люси, его жена.

Джон Парнелл, купец, ведущий бесконечную тяжбу с Томасом Мором.

Маленький Билни, ученый, сожженный за ересь.

Джон Фрит, ученый, сожженный за ересь.

Антонио Бонвизи, купец из Лукки.

Стивен Воэн, антверпенский купец, друг Кромвеля.

При дворе

Генрих VIII

Екатерина Арагонская, его первая жена, позже именуемая вдовствующей принцессой Уэльской.

Мария, их дочь.

Анна Болейн, его вторая жена.

Мария, ее сестра, вдова Уильяма Кэри, бывшая любовница Генриха.

Томас Болейн, ее отец, позже граф Уилтширский и лорд-хранитель королевской печати; любит, чтобы к нему обращались «монсеньор».

Джордж, ее брат, впоследствии лорд Рочфорд.

Джейн Рочфорд, жена Джорджа.

Томас Говард, герцог Норфолкский, дядя Анны.

Мэри Говард, его дочь.

Мэри Шелтон } Фрейлины

Джейн Сеймур }

Чарльз Брэндон, герцог Суффолкский, старый друг Генриха, женатый на его сестре Марии.

Генри Норрис

Фрэнсис Брайан

Фрэнсис Уэстон

Уильям Брертон

Николас Кэрю

} Джентльмены, состоящие при короле

Марк Смитон, музыкант.

Генри Уайетт, придворный.

Томас Уайетт, его сын.

Генри Фицрой, герцог Ричмондский, незаконный сын короля.

Генри Перси, граф Нортумберлендский.

Священнослужители

Уильям Уорхем, престарелый архиепископ Кентерберийский.

Кардинал Кампеджо, папский легат.

Джон Фишер, епископ Рочестерский, советник Екатерины Арагонской.

Томас Кранмер, кембриджский богослов, сторонник Реформации, архиепископ Кентерберийский после смерти Уорхема.

Хью Латимер, священник, сторонник Реформации, позднее епископ Вустерский.

Роуланд Ли, друг Кромвеля, позднее епископ Ковентри и Личфилда.

В Кале

Лорд Бернерс, губернатор, ученый и переводчик.

Лорд Лайл, следующий губернатор.

Хонор, его жена.

Уильям Стаффорд, гарнизонный офицер.

В Хэтфилде

Леди Брайан, мать Фрэнсиса; воспитательница новорожденной принцессы Елизаветы.

Леди Энн Шелтон, тетка Анны Болейн; воспитательница бывшей принцессы Марии.

Послы

Эсташ Шапюи, дипломат, уроженец Савойи, посол императора Карла V в Лондоне.

Жан де Дентвиль, посол Франциска I.

Йоркистские претенденты на престол

Генри Куртенэ, маркиз Эксетерский, потомок дочери Эдуарда IV.

Гертруда, его жена.

Маргарет Пол, графиня Солсбери, племянница Эдуарда IV.

Лорд Монтегю, ее сын.

Джеффри Пол, ее сын.

Реджинальд Пол, ее сын.

Семья Сеймуров в Волчьем зале

Старый сэр Джон, опозоривший себя связью с женой старшего сына Эдварда.

Эдвард Сеймур, его сын.

Томас Сеймур, его сын.

Джейн, его дочь, при дворе.

Лиззи, его дочь, замужем за губернатором острова Джерси.

Уильям Беттс, врач.

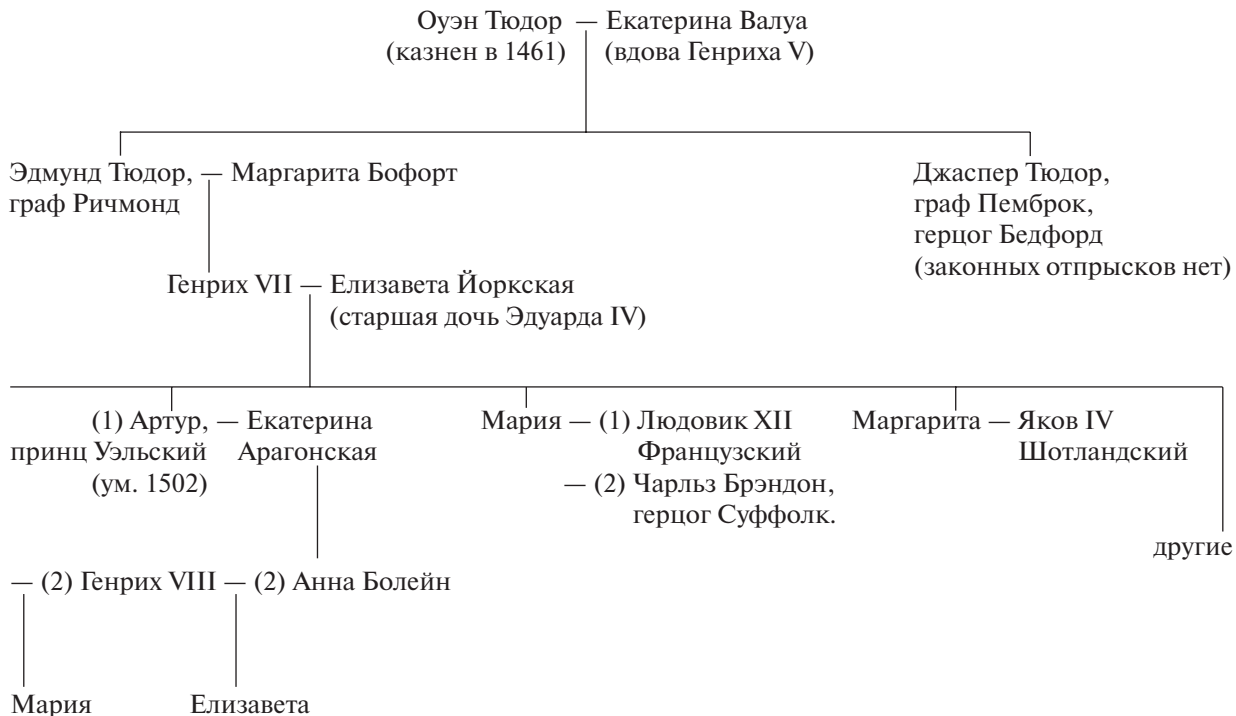
Николас Кратцер, астроном.

Ганс Гольбейн, художник.

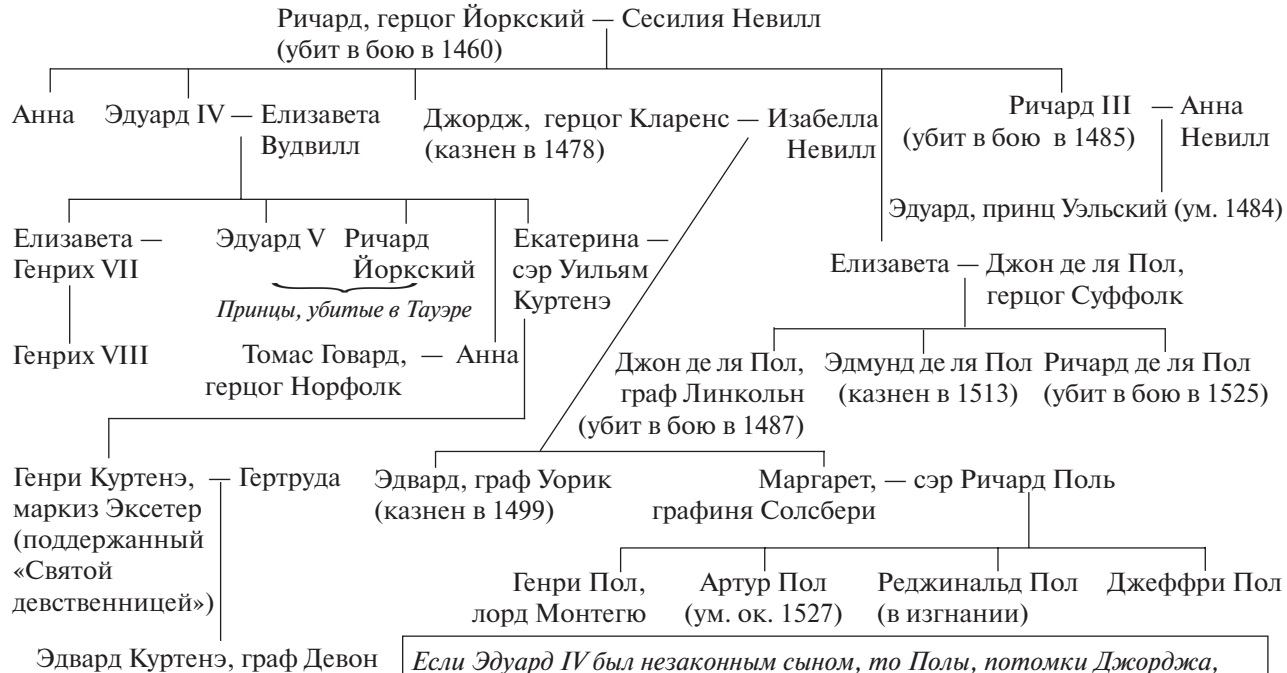
Секстон, шут Вулси.

Элизабет Бартон, пророчица.

Тюдоры

Йоркистские претенденты

Сцены бывают трех родов: во-первых, так называемые трагические, во-вторых — комические, в-третьих — сатирические. Декорации их несходны и разнородны: в трагических изображаются колонны, фронтоны, статуи и прочие царственные предметы; в комических же представляются частные здания, балконы и изображения окон, в подражание тому, как бывает в обыкновенных домах; а сатирические украшены деревьями, пещерами, горами и прочими особенностями сельского пейзажа*.

Витрувий. О театре. Ок. 27 г. до н. э.

Вот имена действующих лиц:

Счастье	Тайный стговор
Свобода	Учтивое оскорбление
Умеренность	Безумие
Величие	Бедствие
Прихоть	Нищета
Притворное сочувствие	Отчаяние
Лукавство	Подлость
	Надежда
	Исправление
	Осмотрительность
	Стойкость

*Джон Скелтон¹.
Величие. Интерлюдия.
Ок. 1520*

* Пер. Ф. Петровского.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Через проливы

Патни, 1500

— А ну вставай!

Только что он стоял — и вот уже лежит, оглушенный, ошарашенный, растянувшись во весь рост на бульжнике двора. Поворачивает голову, смотрит на ворота, будто оттуда может прийти помощь. Сейчас его ничего не стоит прикончить.

Кровь из разбитой головы — по ней пришелся первый удар — заливает лицо. Левый глаз ничего не видит. Сошурив правый, он замечает, что шов на отцовском башмаке лопнул. Дратва вылезла наружу, узел на ней и рассек ему бровь. Это был второй удар.

— Вставай же! — орет Уолтер, примериваясь, куда ударить теперь.

Он приподнимает голову на дюйм-другой, ползет на животе, стараясь не выставлять руки, иначе Уолтер на них наступит. Так уже было.

— Ты что, угорь? — спрашивает родитель. Отходит на несколько шагов, разбегается, снова бьет.

Удар вышибает из него дух. В голове одна мысль: это конец. Лоб снова касается бульжников. Сейчас Уолтер начнет его пинать. Белла, запертая в сарае, заходится лаем. Жалко, что я больше ее не увижу, проносится в голове. На дворе пахнет пивом и кровью. За воротами, у реки, кто-то орет. Ничего не болит, а может, болит все, и невозможно вычленить отдельную боль. Есть лишь ощущение холода в прижатой к бульжнику щеке.

— Нет, только глянь! — Уолтер прыгает на одной ноге, будто танцует. — До чего ты меня довел! Я порвал о твою башку свой добрый башмак!

Дюйм за дюймом. Дюйм за дюймом вперед. Пусть обзывает угрем, червяком, аспидом. Голову не поднимай, чтобы

не злить Уолтера еще больше. Нос забит кровью, приходится дышать ртом. Отец отвлекся на порванный башмак. Минута передышки.

Его тошнит.

— Давай-давай! — ревет Уолтер. — Заблуй тут все!

Заблуй мои добрые булжники.

— Давай же, вставай! Поднимайся! Святые греховодники! Встань на ноги!

Святые греховодники? думает он. Что это значит? Волосы в блевотине, собака лает, Уолтер вопит, над рекой несется колокольный звон. Ему чудится движение: как будто земля стала Темзой. Она вздымается и опадает. Последний воздух со свистом выходит из груди. Ну все, добил мальца, кричит кто-то Уолтеру. Он закрывает глаза, или их закрывает ему Господь. Глубокая, черная вода уносит его прочь.

Когда мысли возвращаются, он стоит в дверях «Летучего коня Пегаса». Уже почти полдень. Сестра Кэт выходит из кухни с горячими пирогами и едва не роняет поднос.

— Нет, вы только полюбуйтесь!

— Кэт, не ори. У меня голова лопнет.

Она зовет мужа: «Морган Уильямс!» Поворачивается на месте, глаза ошалелые, лицо раскраснелось от кухонного жара.

— Заберите у меня поднос! Тело Господне, да куда все подевались?

Его трясет, совсем как Беллу после того, как она свалилась из лодки в реку.

Вбегает служанка.

— Хозяин ушел в город.

— Да знаю я, дура! — При виде окровавленного брата Кэт позабыла все на свете. Она сует девушке поднос. — Пристрой так, чтобы кошки не добрались, не то таких оплеух навешаю — звезды из глаз посыплются! — Освободив руки, она на мгновение сжимает их в страстной молитве. — Опять дрался, или это отец тебя изукрасил?

Да, говорит он, кивая изо всех сил, так что кровь брызжет из носа. Да, повторяет он и указывает на себя, словно говоря: здесь был Уолтер. Кэт кричит, чтобы несли таз, воду, чтобы воду налили в таз, чтобы дали полотенце, чтобы

дьявол сию минуту явился и забрал к себе своего слугу Уолтера.

— Сядь, покуда не упал.

Он хочет сказать: я только что встал. Во дворе. Прележал там час. А может, сутки, и тогда сегодня уже завтра. Только если бы это было сутки назад, Уолтер бы пришел и убил за то, что он валяется на дороге. А раны бы уже затянулись коркой и сейчас болели сильнее, при каждом движении. По близкому знакомству с башмаками и кулаками Уолтера он знает, что второй день всегда хуже первого.

— Сядь. Молчи, — говорит Кэт.

Приносят воду. Кэт легонько промакивает ему глаз. Оттирает мокрым полотенцем лоб, медленно и осторожно. Она судорожно дышит, ее рука лежит у него на плече. Иногда Кэт вполголоса чертыхается, иногда всхлипывает, гладит ему загривок, шепчет: «Ну, ну, не надо», — как будто это он плачет, а не она. Чувство такое, будто он парит, а сестра прижимает его к земле. Зарыться бы лицом в ее фартук и слушать, как стучит сердце, да не хочется пачкать кровью белую материю.

Возвращается Морган Уильямс в парадном платье. На широком валлийском лице — готовность немедля ринуться в бой. Очевидно, ему уже рассказали. Морган встает рядом с Кэт, смотрит, долго не находит слов, потом восклицает: «Вот!» Сжимает кулак, трижды потрясает им в воздухе.

— Вот что получит Уолтер. От меня.

— И не думай, — отговаривает Кэт. — Мало тебе Томасовой крови на твоём лондонском платье.

Морган глядит на себя, на Тома. Послушно отходит.

— Мне-то что, но ты на себя глянь, маленький. В честном бою ты бы его изувечил.

— Какой там честный бой, — ворчит Кэт. — Он подходит сзади, верно, Томас? И чем-нибудь бьет.

— Сдается, сегодня это была бутылка, — говорит Морган Уильямс. — Я угадал?

Он мотает головой. Из носа опять капает кровь.

— Не надо, братец. — Кэт оттирает на себе брызги. Фартук весь изгваздан. Вполне можно было уткнуться в него лицом, хуже бы не стало.

— Значит, ты не видел, чем он ударил? — спрашивает Морган.

— Для того и подходят сзади, ты, магистрат недоделанный, — буркает Кэт. — Послушай, Морган, хочешь, я расскажу тебе про моего отца? Он хватает что под руку попадет. Иногда бутылку, верно. Я видела, как он бьет мою мать. Даже крошку Бет — я видела, как он бьет ее по голове. А когда не видела, было еще хуже — значит, это он бил меня.

— Удивляюсь, как меня угораздило взять жену из такой семейки, — задумчиво произносит Морган Уильямс.

Это просто присловье. Некоторые мужчины постоянно шмыгают носом. У некоторых женщин все время болит голова. Морган всегда удивляется, что взял жену из такой семьи. Мальчик не слушает, он думает: если отец вот так бил покойницу-мать, может, он ее и прикончил? Нет, тогда бы его забрали. В Патни не блюдет закон, но убийство тут с рук не сойдет. Кэт ему за мать: плачет над ним, гладит по загривку.

Он зажмуривается, затем пробует открыть оба глаза одновременно.

— Кэт, — спрашивает он, — у меня там глаз есть? А то я им не вижу.

Да, да, говорит она, пока Морган продолжает устанавливать факты: это был твердый, довольно тяжелый, острый предмет, но вряд ли разбитая бутылка, иначе Томас увидел бы зазубренный край, когда Уолтер, целя в глаз, рассек ему бровь. Он слушает рассуждения Моргана и хочет объяснить про башмак, про узел на дратве, но так трудно ворочать языком, да оно, в сущности, и не важно. Вообще-то он согласен с Морганом и хочет пожать плечами, но их пронзает такая резкая боль, что он думает: может, у меня сломана шея?

— Ладно, Том, скажи лучше, чем ты так разозлил отца? — спрашивает Кэт. — Если совсем без повода, Уолтер обычно до темноты не начинает.

— Да, — подхватывает Морган Уильямс. — Что послужило причиной?

— Вчера. Я подрался.

— Ты вчера подрался? С кем, во имя всего святого?

— Не знаю. — Имя, вместе с причиной драки, вылетело из головы. Однако чувство такое, будто, вылетая, имя оставило на черепе зазубрены. Он трогает макушку, осторожно. Бутылка? Может быть.

— Вечно вы, мальчишки, деретесь, — ворчит Кэт. — У реки.

— Давайте проверим, правильно ли я понял, — говорит Морган. — Вчера Томас приходит домой в рваной одежде, с разбитыми кулаками, и старик спрашивает: ты что, дрался? Ждет сутки, потом хватает бутылку. Валит Томаса с ног, пинает, бьет попавшейся под руку доской...

— Так и было?

— Весь приход знает! Соседи стали кричать на пристани еще до того, как моя лодка подошла к берегу. Морган Уильямс, послушай, твой тесть только что отколотил Томаса, и тот приполз умирать к сестре, позвали священника. Ты послышала за священником?

— Ох уж мне эти Уильямсы! — возмущается Кэт. — Подумайте, какая важная птица! Люди приходят на пристань сообщить ему новости! А почему? Потому что ты всему веришь.

— Но ведь это правда! — кричит Морган. — Чистая правда, верно? Кроме священника. И Томас еще жив.

— Ты точно станешь судьей, — говорит Кэт, — раз сумел подметить разницу между моим живым братом и покойником.

— Если я стану магистратом, первым делом посажу твоего отца в колодки. Штрафовать его? Пустое! Что толку штрафовать человека, который тут же вернет себе деньги, ограбив или обдулив первого встречного?

Он стонет, тихо, чтобы не мешать разговору.

— Ну, ну, ну, — шепчет Кэт.

— Магистраты уже слышать про Уолтера не могут, — вещает Морган. — Если он не развлекает эль, то пасет скотину на общинном лугу, если не травит общинную траву, то нападает на представителя власти, если он не под хмельком, то мертвецки пьян, и если он умрет своей смертью, значит, в мире нет справедливости.

— Закончил? — спрашивает Кэт. Поворачивается к брату: — Том, оставайся-ка у нас. Морган Уильямс, что ты скажешь? Томас может делать черную работу, как оправится. Или вести твои счета, складывать и... что там еще делают? Ладно, не смейся надо мной, где мне было учиться, с таким-то отцом? Я свое имя умею написать только потому, что Том меня научил.